

Грядущая Революция

В предыдущих главах мы пришли к заключению, что Европа катится по наклонной плоскости к революции.

Исследуя способы производства и обмена, установленные буржуазией, мы замечаем, что гангрена охватила весь современный строй жизни.

Мы видим полное отсутствие каких-бы то ни было научных и гуманитарных основ, безумное расточение общественного капитала, жажду наживы, дошедшую до полного пренебрежения всякими законами общественности, непрерывные промышленные войны и невообразимый хаос. Мы с восторгом приветствуем приближение дня, когда крик: долой буржуазию! вырвется из всех уст с тем единодушием, с которым провозглашалось некогда падение династий.

Изучая развитие государств, роль их в истории и разложение, охватившее их, мы видим, что современный способ группировки заканчивает свое существование; он совершил все, на что был способен, и теперь рушится под своей собственной тяжестью, чтобы уступить место новым организациям, основанным на новых принципах, соответствующих современным стремлениям человечества.

Стоит только проследить за возникновением идей в современном обществе, чтобы понять, с каким рвением человеческая мысль работает сейчас над полной переоценкой ценностей, завещанных нам прошлыми веками, и над выработкой новых философских и научных систем, предназначенных стать основами грядущих человеческих организаций. Не только реформаторы из народа, изнуренные непосильным трудом и нестерпимой нуждой, мечтающие о лучшем будущем, восстают сейчас против современных учреждений. Ученые, воспитанные на старых предрассудках, стараются отряхнуть с себя пыль ветхости, прислушиваются к брожению мысли в народе и становятся выразителями и провозвестниками новых идей. „Все разъедающий яд критики подрывает завещанные нам непреложные истины; философия, естественные науки, этика, история, искусство, все гибнет в этой разрушительной работе, ничему нет пощады!“ — восклицают возмущенные консерваторы. Да ничему и не будет пощады, даже самим основам вашего социального строя — частной собственности и власти. Все работают сейчас над их разрушением, — все, от негра мастерской до работников мысли, от заинтересованных в реорганизации современного строя до тех, которые содрогнутся при виде своих же мыслей, осуществленных на практике, отряхнувших с себя пыль библиотек, воплощенных самой жизнью.

Полное разложение и распадение современного строя и всеобщее недовольство; выработка новых форм жизни и жажда какой-бы то ни было перемены, юношеский порыв критики в области науки, философии, этики и брожение общественной мысли; возмутительное

равнодушие или преступное сопротивление новым течениям тех, в руках которых сосредоточена власть...

Вот каково было всегда состояние общества накануне великих революций. Таково оно и сейчас; и это не безумная фантазия возбужденного воображения группы недовольных; самое спокойное научное наблюдение убеждает нас в этом. Даже те, которые для оправдания своей преступной индифферентности говорят: „Будьте спокойны, опасность не дошла еще до наших жилищ“, признают, что положение все ухудшается и что они не знают, куда мы идем. Однако, облегчив себя этим признанием, они снова впадают в свое обычное состояние — прозябание без мысли.

„Нам столько раз предсказывали эту революцию“, вздыхает пессимист; „был момент, когда я сам поверил в её наступление, а между тем её все нет!“

Она придет и чем позже, тем она будет плодотворнее. „Два раза, в 1754 и в 1771 году готова была вспыхнуть революция“, говорит Феликс Рокэн[6], описывая события XVIII века (чуть было не написал в 1848 и 1871 году). Не разразившись тогда, она стала гораздо могучее и плодотворнее к концу века.

Но не будем тревожить сна индифферентных и мешать брожению пессимистов. Подумаем лучше о том, каков будет характер этой революции, предчувствуемой и подготовляемой столькими людьми, и каково должно быть наше отношение к ней.

Мы не будем заниматься историческими пророчествами: ни эмбриональное состояние социологии, ни современное положение истории, которая, по выражению Огюстэна Тьерри, „подавляет истину условными формулами“, нас на это не уполномочивают. Ограничимся тем, что поставим себе несколько самых простых вопросов.

Возможно-ли допустить хоть на мгновение, что одна только перемена образа правления успокоит брожение умов и приостановит совершающуюся во всех слоях общества работу над пересозданием всего существующего? Что недовольство экономическим строем, возрастая с каждым днем, не захочет проявиться в общественной жизни, как только наступят благоприятные обстоятельства — дезорганизация власти?

Конечно, нет!

Возможно-ли, чтобы ирландские и английские крестьяне не воспользовались первой представившейся возможностью, чтобы изгнать ненавистных помещиков и завладеть землей, о которой они мечтают столько веков?

Возможно-ли, чтобы Франция, если только наступит новый 1848 год, ограничилась заменой своего нового Гамбетта каким-нибудь Клемансо и не испробовала, что может дать Коммуна для улучшения быта рабочих? Чтобы французские крестьяне, видя центральную власть униженной, не постарались завладеть бархатными лугами своих соседок — святых сестер и плодородными полями толстых буржуа, устроившихся около них и все округляющих свои владения? Возможно-ли, чтобы они не встали в ряды борцов, предлагающих им поддержку для осуществления мечты всего рабочего народа: обеспеченного, хорошо оплачиваемого

труда?

Возможно-ли, чтобы крестьяне — будь то итальянцы, испанцы или славяне — не присоединились к этому движению?

Возможно-ли, чтобы рудокопы, изнуренные нуждой и страданиями, работающие под вечным страхом смерти, не постарались изгнать владельцев рудников, как только они заметят малейший признак дезорганизации среди своего начальства?

А мелкий ремесленник, ютящийся в темном сыром подвале, работающий день и ночь с окоченелыми пальцами и пустым желудком, выбивающийся из сил, чтобы прокормить пять маленьких ртов, тем более любимых, чем они становятся бледнее и прозрачнее от голода и лишений? А этот несчастный, проводящий ночи под открытым небом, так как он не может позволить себе роскоши — переночевать за пятак в ночлежном доме? Неужели вы думаете, что они не постараются найти в роскошных дворцах теплого угла для своих семейств, более достойных и честных во всяком случае, чем семьи толстых буржуа? Что они не мечтают о том, чтобы в магазинах коммуны было достаточно хлеба для всех тех, которые не привыкли к безделью, достаточно одежды, чтобы покрыть как плечи несчастных детей рабочих, так и упитанные тела детей буржуа? Неужели вы думаете, что те, которые ходят в лохмотьях, не знают, что в магазинах большого города есть достаточно припасов для удовлетворения первых нужд всех его жителей и что если-бы все рабочие трудились над производством необходимых предметов, вместо того, чтобы чахнуть над выделкой предметов роскоши, то выработанного ими хватило бы не только на их коммуну, но и на соседняя?

Наконец, возможно-ли, чтобы народ в тот день, когда почувствует в себе силу, не постарался-бы осуществить все то, о чем он мечтает столько лет и что само собой вырвется наружу в критический момент (вспомните осаду Парижа!)?

Здравый смысл человечества ответил уже на эти вопросы, и вот его ответ:

Наступит всеобщая революция, которая вызовет потоки крови во всех странах Европы. При связях, установившихся сейчас между отдельными государствами и при настоящем неустойчивом политическом равновесии местная революция невозможна, если только она будет сколько-нибудь продолжительна. Разразившись в одной стране, она, как в 1848 году, вызовет непременно вспышки во всех остальных, и революционное пламя охватит сразу всю Европу.

Но если в 1848 году восставшие города возлагали большия надежды на перемену образа правления и на конституционные реформы, то сейчас, конечно, это невозможно. Парижский рабочий не будет ждать, чтобы правительство — будь то даже свободная Коммуна — исполнило его заветные желания. Он сам возьмется за дело и скажет: „Так, по крайней мере, что-нибудь будет сделано!“

Русский народ не будет ждать, чтобы учредительное собрание даровало ему землю, которую он столько лет обрабатывает для других; как-бы мало надежды на успех у него ни было, он постарается сам ею завладеть; он уже стремится к этому: доказательством чему служат постоянные бунты. То же самое происходит в Италии и в Испании; и если в Германии

рабочий позволяет еще распоряжаться собой тем, которые бы желали, чтобы все в мире совершалось по предписаниям из Берлина, то пример соседей и неспособность правителей скоро укажут ему настоящий путь.

Будущая революция будет носить экономический характер. Всеми народами одновременно будут произведены попытки пересоздать весь экономический строй; они больше не будут ждать, чтобы благосостояние свалилось им с неба, как манна небесная.

Но... мы уже видим пессимиста с лукавой улыбкой на губах, говорящего: „несколько возражений, только несколько возражений”. Что же, мы его выслушаем и ответим ему.

Версия #1

████████████████████ ████████████████████ создал 23 апреля 2025 23:19:40

████████████████████ ████████████████████ обновил 23 апреля 2025 23:20:05